

ПРАВДА ПОДВИГА

Среди произведений о Великой Отечественной войне немало книг документально-художественных, т. е. таких, в которых повествуется о действительных событиях, героями которых выступают подлинные участники войны. Наиболее удачные из этих книг позволяют проследить пути патодврорного использования документального-исторического материала, другие помогают понять, почему, опираясь на такой материал, иные авторы не сумели создать полноценные произведения.

«...Что значит характер советского пилота? — спрашивает генерал в книге С. Глуховского «Золотая звезда». — Настойчивость, упорство, непреклонная воля к победе — вот черты советского снайпера». И на протяжении полусотни страниц очерка о Герое Советского Союза, знаменитом снайпере, приводятся боевые примеры, подтверждающие слова генерала. Если мы прочитаем включенные в книгу оставшиеся очерки, то опять встретим те же черты советских воинов, но уже проиллюстрированные примерами из деятельности других армейских профессий. Каждый очерк — о конкретном лице. Но конкретность тут заключена лишь в анкетных данных, подлинности боевого эпизода подтверждается его устными соотвестиями; инструкции, наставления, приобретенный в сражениях опыт показывают в форме диалогов, однобраных изречений и поучений.

Меняются фотографии, имена, фамилии, мелькают переправы, разведки, стычки. Но ни одна очерк не приносит радости знакомства с незуардным человеком, налененным одному лишь ему присущими качествами. Как будто героям не иницируют, как будто из формулы присвоения высокого звания не стоит своеобразная человеческая судьба во всей ее неповторимости.

Автор оставляет где-то вне пределов своего постижения индивидуальность, внутренний мир человека. А ведь герой книги С. Глуховского и ныне защищает. Общение с ними должно было помочь автору не только восстановить даты, случаи встречи, но и воссоздать живые характеристики и чувства людей.

Для художественно-документальной литературы правда войны и подвига — в правде характера; историческая достоверность — в реализме описываемых событий, психологии и чувств людей.

На первой странице книги И. Крамова «Яков Осилов» — фотография ее героя. С самого начала писатель ставит себя в строгие рамки точности. В десятистрочном примечании «От автора» — ссылка на документальные источники и указание на то, что в книге сохранены подлинные имена участников обороны Одессы. Якова Осиолова не было среди тех, кто 9 мая 1945 года

да разряжал в небо свой автомат, салютуя победе. Он геройски погиб в тяжкие дни отступления на Крымском полуострове. Осталась письма, газетные заметки, воспоминания близких и сослуживцев. Можно ли в скучных строках документа, в пределах кратковременных и чисто военных мероприятий найти жизненный материал, необходимый, чтобы восстановить сложный характер? Не пострадает ли при этом художественная сторона произведения?

Отрадно, что, приступая к чтению с такими сомнениями, очень скоро от них освобождаешься, захваченный правдой талантливой книги.

В ней можно услышать биение сердца героя, увидеть его походку, жесты, улыбку, понять логику его повседневных поступков и его подвигов.

Капитан, начальник штаба, докладывает обстановку Осиолову, только что привинченную полк. Положение безраздное. Во-первых, против полка две дивизии, во-вторых, танки, в третьих... в четвертых... Осиолов резко нарушает паузу, наступившую после доклада:

«Хотите, я вам доложу обстановку, капитан?.. Исходя из того, что вы мне тут доложили, задача, которая поставлена перед полком, — сдержать противника — невыполнима...

— И этого не говорил! Если потребуетсѧ, умрем, но не пропустим...

Осиолов прервал:

— Если умрем, то пропустим!».

Нам неизвестно, точно ли состоялся этот разговор начальника штаба с Осиоловым. Вряд ли у И. Крамова имеются подтверждения. Но мы их и не требуем. Это разговор «в образе», здесь — живой, активный, непреклонный Осиолов, весящий в людях и в побегу.

Книга И. Крамова не свободна от промахов. Не все факты, ставшие достоянием истории, удалось сделать ему достоянием художественной литературы, в иных местах события не столько воспроизведаются, сколько описываются. Порой автор излишне подробно комментирует поступки героя, ослабляя их эмоциональное воздействие. Но важно, что избран патодврорный подход к документальному материалу, оживил прекрасный образ советского патриота.

Бывает, что о героях, отдавших жизнь за Родину, не остается сколько-нибудь подробных данных. Известны в общих чертах их поступки, подвиги, сохранились миниатюрные биографические сведения. И только. Тут неизбежно возникает дилемма: «обогатить» эти сведения за счет беллетристического домысла, или, досконально изучив все, что можно изучить в этом случае, попытаться художественными сред-

ствами создать путь не совсем полную, но предельно близкую к правде картину.

Владимир Беляев, автор книги «Граница в огне», издал последнее. Он так определил свою позицию: «Многое я не знаю, а выдумывать биографии живших на самом деле людей, которых я называю здесь подлинными именами, я не хочу, чтобы неосторожным домыслом не оскорбить память героев...».

Писатель рассказывает о том, как в первые дни войны героями сражались с фашистами пограничники одной из застав на Западном Буге.

Автор, как правило, не пытается обстоятельно выписывать индивидуальные портреты, не даёт сколько-нибудь развернутых образов; он стремится по отрывочным сведениям создать хронику, правду которой — в типично передней, не-прикрашенной обстановке, в строгой последовательности событий, в общей закономерности действий и в точности деталей. Надо найти место и обоснование каждому эпизоду, который удалось восстановить, ибо каждый эпизод — новый штрих в общем портрете бесстрашного коллектива, совершающего беспримерный подвиг. Историк здесь неотделим от художника. Вот В. Беляев описывает процедуру одностороннего снятия границы гитлеровцами в ночь первомомонного нападения на нашу страну. Подписываются, скрепляются печатями акты передачи границы офицерам вермахта, фашистские пограничники и таможенники, погрузив на машины особые пограничные часы, уезжают вглубь Польши.

В этом небольшом эпизоде — и бессмысличный педантизм гитлеровского командования, и коварство преднаременности нападения, и всесторонняя подготовленность вражеских войск к воровскому налету на горстку пограничников, и ощущение тупой силы, готовой вот-вот навалиться на противоположный берег Западного Буга.

Выпустив несколько лет назад первое издание «Границы в огне», автор не посчитал свою работу оконченной. Он продолжал изыскания. В дополненном издании 1955 года появились новые главы, расширившие наше представление о сражении на границе.

И у В. Беляева можно обнаружить немало неудач. Он далеко не всегда обращается к работе над языком, пользуясь порой готовыми фразами. Линия, на мой взгляд, заключительная главка «Жильцы продолжают слагу мертвых», написанная для нового издания. Рассказ о сегоящих дни села, где сражались герои, — это уже тема самостоятельная. Однако «Граница в огне», как и «Яков Осилов», — свидетельство многообразия путей достижения художественной правды путем изображения реальных событий.

В. КАРДИН

Жаль, что составители сборника не привлекли к участию в нем испытанных командиров Балтийского флота (если не ошибаюсь, за исключением одного И. Чернышева). Их воспоминания, несомненно, украсили бы книгу.

И последнее замечание. Стремясь как можно шире представить творчество литераторов, писавших в те годы о флоте, составители в иных случаях значительно понизили требовательность к качеству публикуемых произведений. Еще можно как-то объяснить, почему печатаются вспышки, хотя и далеко не совершенные по мастерству, по хранящие в себе живое дыхание военных лет — такие, как «Афалин» Святого М. Лукина или «Летчик Анатолий Скрылев» И. Панова. Но затем, например, нужна холмая рифмованная патетика стихов Б. Тимофеева, где о Бронштадте стихи о любви — в поэзии на вест сурьомы взглядом, в бой всегда готов, как на падах...?

Подчеркнуть отдельные недостатки в «Балтийцах» необходимо для того, чтобы в будущем подобные сборники готовились к месту и значение описанных эпизодов в общей картине войны. Помещенные в сборнике выдержки из сообщений Совинформбюро полностью таких статей заменить не могут. Не восполнит пробела, к

Г. СКУЛЬСКИЙ

ТАЛЛИН

Четыре дня без перерыва, А кажется — уже века, Ветром с Финского залива Седьмые гонят облака.

Дожди без молнии и гула, Немног, льют четыре дня, И мы, прида на караула, Портники сушим у огня.

Здесь, под палаткой сырою, Тапки от печки небольшой. Плечом и плечу уселись трое Друг другу преданных душой.

Один ворчал на немогоду, Другой шумил — ему в ответ,

бывает самолет, на котором он летал с Калугиным и стрелком-радистом Сеней Котовым, потерпел аварию. И все же морально он несет за это ответственность, и бойкот, который ему объявили товарищи, воспринимается читателями, как сурвак, помощьюще ему жить и бороться, Борисов поставил выше великого чувства воинского долга и боевого товарищества.

Как видно из самого названия повести, А. Кучеров стремился прежде всего показать боевую дружбу двух летчиков. Но по мере развития действия в его замысле происходит некоторые изменения. О любви Борисова к Веру автор повествует с большей подробностью, чем о суховатой и сдержанной дружбе Борисова и Калугина, и эта дружба отходит на второй план. Такой сдвиг в замысле произошел еще и потому, что, подчеркнув глубокий конфликт между товарищами, автор, по существу, на длительное время порвал связывавшие их нити.

Логика жизни вновь приводит Александра Борисова в стой своих товарищей. Он становится мастером бомбометания с малых высот. В концовке повести Борисов возвращается из строя, члены экипажа чудом остались живы.

Устав определяет служебные нормы поведения военнослужащих. Но вера в товарища, уважение к нему, преданность друж-

ством могут быть регламентированы паррафами за определенные номерами. Да это и не нужно. А. Кучеров раскрывает перед читателями смысл ошибки Александра Борисова. Она состоит в том, что в какой-то момент большое чувство любви, помогающее ему жить и бороться, Борисов поставил выше великого чувства воинского долга и боевого товарищества.

Как видно из самого названия повести, А. Кучеров стремился прежде всего показать боевую дружбу двух летчиков. Но по мере развития действия в его замысле происходит некоторые изменения. О любви Борисова к Веру автор повествует с большей подробностью, чем о суховатой и сдержанной дружбе Борисова и Калугина, и эта дружба отходит на второй план. Такой сдвиг в замысле произошел еще и потому, что, подчеркнув глубокий конфликт между товарищами, автор, по существу, на длительное время порвал связывавшие их нити.

Логика жизни вновь приводит Александра Борисова в стой своих товарищей. Он становится мастером бомбометания с малых высот. В концовке повести Борисов возвращается из строя, члены экипажа чудом остались живы.

Логика жизни вновь приводит Александра Борисова в стой своих товарищей. Он становится мастером бомбометания с малых высот. В концовке повести Борисов возвращается из строя, члены экипажа чудом остались живы.

Логика жизни вновь приводит Александра Борисова в стой своих товарищей. Он становится мастером бомбометания с малых высот. В концовке повести Борисов возвращается из строя, члены экипажа чудом остались живы.

Логика жизни вновь приводит Александра Борисова в стой своих товарищей. Он становится мастером бомбометания с малых высот. В концовке повести Борисов возвращается из строя, члены экипажа чудом остались живы.

Логика жизни вновь приводит Александра Борисова в стой своих товарищей. Он становится мастером бомбометания с малых высот. В концовке повести Борисов возвращается из строя, члены экипажа чудом остались живы.

Логика жизни вновь приводит Александра Борисова в стой своих товарищей. Он становится мастером бомбометания с малых высот. В концовке повести Борисов возвращается из строя, члены экипажа чудом остались живы.

Логика жизни вновь приводит Александра Борисова в стой своих товарищей. Он становится мастером бомбометания с малых высот. В концовке повести Борисов возвращается из строя, члены экипажа чудом остались живы.

Логика жизни вновь приводит Александра Борисова в стой своих товарищей. Он становится мастером бомбометания с малых высот. В концовке повести Борисов возвращается из строя, члены экипажа чудом остались живы.

Логика жизни вновь приводит Александра Борисова в стой своих товарищей. Он становится мастером бомбометания с малых высот. В концовке повести Борисов возвращается из строя, члены экипажа чудом остались живы.

Логика жизни вновь приводит Александра Борисова в стой своих товарищей. Он становится мастером бомбометания с малых высот. В концовке повести Борисов возвращается из строя, члены экипажа чудом остались живы.

Логика жизни вновь приводит Александра Борисова в стой своих товарищей. Он становится мастером бомбометания с малых высот. В концовке повести Борисов возвращается из строя, члены экипажа чудом остались живы.

Логика жизни вновь приводит Александра Борисова в стой своих товарищей. Он становится мастером бомбометания с малых высот. В концовке повести Борисов возвращается из строя, члены экипажа чудом остались живы.

Логика жизни вновь приводит Александра Борисова в стой своих товарищей. Он становится мастером бомбометания с малых высот. В концовке повести Борисов возвращается из строя, члены экипажа чудом остались живы.

Логика жизни вновь приводит Александра Борисова в стой своих товарищей. Он становится мастером бомбометания с малых высот. В концовке повести Борисов возвращается из строя, члены экипажа чудом остались живы.

Логика жизни вновь приводит Александра Борисова в стой своих товарищей. Он становится мастером бомбометания с малых высот. В концовке повести Борисов возвращается из строя, члены экипажа чудом остались живы.

Логика жизни вновь приводит Александра Борисова в стой своих товарищей. Он становится мастером бомбометания с малых высот. В концовке повести Борисов возвращается из строя, члены экипажа чудом остались живы.

Логика жизни вновь приводит Александра Борисова в стой своих товарищей. Он становится мастером бомбометания с малых высот. В концовке повести Борисов возвращается из строя, члены экипажа чудом остались живы.

Логика жизни вновь приводит Александра Борисова в стой своих товарищей. Он становится мастером бомбометания с малых высот. В концовке повести Борисов возвращается из строя, члены экипажа чудом остались живы.

Логика жизни вновь приводит Александра Борисова в стой своих товарищей. Он становится мастером бомбометания с малых высот. В концовке повести Борисов возвращается из строя, члены экипажа чудом остались живы.

Логика жизни вновь приводит Александра Борисова в стой своих товарищей. Он становится мастером бомбометания с малых высот. В концовке повести Борисов возвращается из строя, члены экипажа чудом остались живы.

Логика жизни вновь приводит Александра Борисова в стой своих товарищей. Он становится мастером бомбометания с малых высот. В концовке повести Борисов возвращается из строя, члены экипажа чудом остались живы.

Логика жизни вновь приводит Александра Борисова в стой своих товарищей. Он становится мастером бомбометания с малых высот. В концовке повести Борисов возвращается из строя, члены экипажа чудом остались живы.

Логика жизни вновь приводит Александра Борисова в стой своих товарищей. Он становится мастером бомбометания с малых высот. В концовке повести Борисов возвращается из строя, члены экипажа чудом остались живы.

Логика жизни вновь приводит Александра Борисова в стой своих товарищей. Он становится мастером бомбометания с малых высот. В концовке повести Борисов возвращается из строя, члены экипажа чудом остались живы.

Логика жизни вновь приводит Александра Борисова в стой своих товар

